

УДК 343.72

*Р.Х. Шаутаева, О.А. Петрянина***СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ: ОБЩЕКРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Актуальность выбранного для исследования направления многофакторна. Во-первых, это неукоснительный рост посягательств на собственность, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием. Во-вторых, появление новых форм мошеннических действий, требующих симметричной реакции со стороны государственных органов. В-третьих, наступательное, не всегда безошибочное, развитие уголовной политики в форме создания новых юридико-технических механизмов противодействия рассматриваемому виду криминально-девиантного поведения корыстной направленности. Все это и подтолкнуло авторов на выделение и рассмотрение наиболее значимых методологических проблем во взятой для исследования области в форме их демонстрации, а также формулирование предложений и направлений по их разрешению. В качестве первого уголовно-правового недочета государственной стратегии в борьбе с мошенничествами выступает ошибочность в систематизации преступлений, отраженных в ст. 159¹ - 159⁶ УК РФ. Подмена значимости общественных отношений, охраняемых включенными в данные статьи нормами, стала причиной разбалансированности Особенной части Уголовного кодекса РФ. Ко второй методологической проблеме отнесена неопределенность в стоимостных критериях ст. 159 - 159⁶ УК РФ, положенных в основание их криминализации и дифференциации. Третьей проблемой является сам факт выделения самостоятельных составов мошенничества с закреплением их в отдельных статьях Уголовного кодекса РФ в зависимости от сфер посягательства. На основе проведенного критического анализа и представленной аргументации в статье предложены направления разрешения отмеченных методологических проблем теоретического, прикладного и законотворческого формата.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовная политика, противодействие, мошенничество, обман, злоупотребление доверием, кредитование, страхование, выплата, платежная карта, компьютерная информация.

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-2-318-323

Учитывая современный тренд уголовной политики в целом [1. С. 159-164] и в области охраны отношений собственности в частности, продиктованный позициями, закрепленными в Конституции Российской Федерации, уголовное законодательство очень активно развивается в части создания новых юридико-технических механизмов, создающих преграду для посягательств на выделяемое нами благо. Обусловлено это в первую очередь тем, что от состояния института собственности зависит экономика всего государства. Выделяя среди всей системы преступлений против собственности мошенничество, подчеркнем, что эта форма хищения сегодня является не только одной из самых распространенных, но и порождающих значительные материальные последствия не только отдельным физическим и юридическим лицам, но и государству в сфере развития наиболее значимых социальных и экономических институтов. Полагаем, что это и стало первопричиной криминализации новых форм мошеннических действий, более детально взявших под уголовно-правовую охрану отдельные сферы таких благ и ценностей. Показательны в данном случае статистические данные. Например, по данным ГИАЦ МВД России, мошенничества уже на протяжении последних десяти лет занимают лидирующие позиции в представляемых статистических отчетах. Так, если в 2010 г. было зарегистрировано 160 081 преступлений¹, то в 2020 г. – уже 335 631².

Переломным с точки зрения развития уголовной политики во взятой для исследования области стал 2012 г. В частности, Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. №207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ включил в структуру гл. 21 уголовного закона шесть новых самостоятельных форм мошеннических действий, на общекритическом анализе которых мы и остановимся.

¹ Состояние преступности в российской Федерации (январь-декабрь 2010 г.). Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2010.

² Представленные данные за 2020 г. включают в себя преступления, предусмотренные ст. 159¹ - 159⁶ УК РФ.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.

Начнем с того, что представленное законодательное решение было оценено неоднозначно представителями как науки, так и правоприменительных органов, что нашло свое отражение и в ряде диссертационных исследований [2–4].

Первой и главной методологической проблемой реализованной законодательной инициативы выступают сферы, взятые данными уголовно-правовыми нормами под охрану, с включением их в главу Уголовного кодекса РФ, где основным непосредственным объектом выступает собственность. Детальное ознакомление с содержанием ст. 159¹ УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования», ст. 159² УК РФ «Мошенничество при получении выплат», ст. 159⁵ УК РФ «Мошенничество в сфере страхования» и ст. 159⁶ УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» дает основание утверждать, что общественные отношения, взятые ими под охрану, находятся далеко за рамками непосредственных объектов гл. 21 Уголовного кодекса РФ, а некоторые из них и за границами разд. VIII анализируемого закона. В поддержку выдвигаемой научной гипотезы можно привести ряд значимых аргументов. Первым и, с нашей точки зрения, беспелляционным выступает само название этих статей, прямо указывающих на сферы, то есть группы правовых отношений, в рамках которых и совершаются представленные выше формы криминально-делинквентного поведения (кредитно-финансовая сфера, порядок управления при осуществлении социальных выплат, сфера страхования, а также сфера информационно-телекоммуникационных отношений). Не ставя под сомнение тот факт, что при осуществлении данных посягательств параллельно с выделенными благами ущерб причиняется и отношениям собственности, подчеркнем, что в данном случае они, конечно, также находятся в плоскости непосредственного объекта, но выступают в качестве его дополнительного вида, а не основного непосредственного. Следует не забывать, что объект преступления имеет архиважное значение при конструировании уголовно-правовых запретов, так как выступает основой для структурирования Особенной части Уголовного кодекса РФ. И в этом вопросе нельзя не согласиться с учеными в том, что основной объект является определяющим не только в процессе квалификации общественно опасных деяний, но и в выборе места расположения норм в системе уголовного законодательства [5. С. 152]. Однако приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что это становится нехарактерным для рассматриваемой отрасли права, и сегодня мы фактически наблюдаем подмену объектов, что методологически абсолютно не верно. Например, по нашему глубокому убеждению, учитывая, что сферы кредитования и страхования являются видами предпринимательской деятельности, деяния, указанные в ст. 159¹ и 159⁵ Уголовного кодекса РФ, должны быть расположены в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». Кстати, об этом свидетельствуют и стоимостные критерии, положенные в основу их криминализации, радикально отличающиеся от общепринятых и применяемых в рамках гл. 21 УК РФ, вместе с тем приближенные к оценочным признакам, закрепленным в гл. 22 УК РФ. На них мы хотели бы остановиться как на следующей методологической проблеме в области противодействия мошенничествам. Нам до сих пор остается непонятным прием, позволяющий в рамках схожих деяний, совершаемых путем обмана и злоупотребления доверием, при этом сконцентрированных в одной главе уголовного закона, что предполагает их схожесть не только по родовому, видовому, но и непосредственному объекту, определять разные стоимостные характеристики размера причиняемого ущерба. Фактически реализованы три взаимонезависимых и взаимонеобусловленных подхода. В классическом мошенничестве (ч. 1-4 ст. 159 УК РФ) сохранен традиционный подход, вытекающий из п. 4 Примечаний к ст. 158 Уголовного кодекса РФ⁴. Закрепляя в чч. 5-7 ст. 159 Уголовного кодекса РФ мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, законодатель отдельно установил размеры значительного ущерба, крупного и особо крупного размеров⁵. Нестандартным видится и тот факт, что стоимостные критерии преступлений против собственности, а мы имеем в виду чч. 6 и 7 ст. 159 УК РФ, существенно превышают схожие характеристики, заложенные в Примечании к ст. 170² УК РФ, имеющее свое распространение на систему преступлений в сфере экономической деятельности, где финансовые риски существенно выше, что и предполагается их особенностями. Статьи 159¹ УК РФ и 159⁵ УК РФ также имеют собственные размеры вышеотмеченных категорий размеров и ущербов.

⁴ Крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 250 тыс. рублей, а особо крупным – 1 млн рублей.

⁵ Значительным ущербом признается ущерб в сумме, составляющей не менее 10 тыс. рублей; крупным размером стоимость имущества, превышающая 3 млн рублей; особо крупным – превышающая 20 млн рублей.

Дискуссионным также видится использование общих стоимостных критериев при применении положений ст. 159² УК РФ «Мошенничество при получении выплат», так как они фактически приравнены к размерам ущербов, причиняемым физическим лицам. Однако потерпевшим по данному преступлению выступает государство, являющееся обладателем всех государственных активов. Обосновано ли это? На этот вопрос сегодня нет ответа.

Полагаем, что неопределенность в содержании стоимостных критериев в области противодействия современным формам мошенничества негативно влияет на качество борьбы и существенно снижает уровень эффективности уголовной политики в исследуемой области.

Критическим, то есть методологически не оправданным, что и выступает в качестве третьей проблемы, видится и сам факт выделения самостоятельных составов мошенничества с закреплением их в отдельных статьях Уголовного кодекса РФ в зависимости от сфер посягательства. В подтверждение этого довода также можно привести ряд аргументов. Во-первых, с учетом уже сложившейся правовой традиции в области противодействия мошенничеству, при условии появления его новых форм, что неизбежно, потребуются дополнительная криминализация таких деяний, которая должна будет выражена во включении в Уголовный кодекс РФ новых ст. 159⁷, 159⁸, 159⁹ УК РФ и т. д. В настоящее время их уже шесть, а до исключения ст. 159⁴ УК РФ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» – семь. Фактически на их основе мы можем уже говорить о возможном создании самостоятельной главы Уголовного кодекса РФ, главы 21¹ «Преступления против собственности, совершаемые путем обмана или злоупотребления доверием». Однако данный прием лишь усложнит противодействие этим преступлениям.

Во-вторых, реализация такого юридико-технического приема фактически является тупиковой, так как закрепление всех сфер, где реализуются мошеннические схемы, объективно невозможно, да и нерационально. Уход от унифицированных приемов и особенно в области уголовно-правовой охраны отношений собственности — это лишь способ создания видимости борьбы, на самом деле не только порождающий серьезные проблемы в области правоприменительной и интерпретационной деятельности, но и образующий юридические пробелы, успешно используемые преступниками в целях живых и полного либо частичного ухода от уголовной ответственности.

Следует отметить ряд юридико-технических особенностей, встречающихся при правовой оценке преступлений, закрепленных в ст. 159¹–159⁶ УК РФ, что, безусловно, влияет на уровень уголовно-правового противодействия им.

Говоря о мошенничестве в сфере кредитования, отметим, что данное деяние предполагает наличие специального субъекта – заемщика, то есть лица, состоящего с кредитной организацией в специальных юридико-экономических отношениях. В этой связи дискуссионным видится тот факт, что уголовно-правовые характеристики такого лица определены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁶ и отнесены к категории императивно-базовых. В частности, обращение к кредитору от своего имени или от имени доверителя в целях получения кредитных денежных средств наделяют субъекта статусом заемщика. Вместе с тем данная категория является бланкетной и частично иначе раскрыта в Федеральном законе «О потребительском кредите (займе)»⁷. В частности, в нем нет указания на осуществление соответствующих действий от себя лично или от иного лица. Полагаем, что прием, использованный в вышеназванном интерпретационном акте, шире того, который указан в Федеральном законе, так как буквальное толкование понятия заемщика, в нем закрепленного, не дает права относить к таковым других субъектов, на законных основаниях представляющих заемщика. В этом нормативном правовом акте также сделано уточнение, что это может быть только физическое лицо. Коллизионным видится и тот факт, что понятие заемщика отсутствует в Гражданском кодексе РФ, хотя в основе договора займа лежат гражданско-правовые отношения. В этой связи базовые признаки рассматриваемого явления должны быть отражены именно в этом документе.

С нашей точки зрения, спорной также видится позиция Пленума Верховного Суда РФ в вопросе квалификации мошенничества в сфере кредитования при условии, если это деяние совершается подставным лицом с использованием похищенных или незаконно используемых чужих персональ-

⁶ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

⁷ О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

ных данных по ст. 159 УК РФ. Считаем, что эти действия также должны охватываться ст. 159¹ УК РФ, так как исходя из характеристик потерпевшего совершаемое преступление должно быть отнесено к предпринимательской форме мошеннических действий.

Ряд критических замечаний можно высказать и в адрес юридико-технической конструкции ст. 159² УК РФ «Мошенничество при получении выплат». В частности, в диспозиции анализируемой уголовно-правовой нормы содержится неточное описание предмета и способа совершения такого рода обмана [6. С. 25–27]. В отличие от названия предмета этого деяния, отраженного в наименовании статьи, его содержание существенно сужено в ее диспозиции, включающей в качестве такового только социальные выплаты. В связи с этим в основу криминализации такого деяния положен не способ, а предмет преступления, из-за чего возникает вопрос о целесообразности применения такого подхода. Не менее эффективно он мог быть реализован и в рамках ст. 159 УК РФ путем выделения соответствующихотягчающе-дифференцирующих признаков.

Как правильно отмечают в науке, не совсем корректным видится и использование понятия «выплата» как собирательного. Этимологическое его содержание фактически не дает возможности рассматривать в качестве предмета изучаемой формы криминально-делинквентного поведения, совершаемой путем обмана или злоупотребления доверием, например, движимого имущества или прав на недвижимое имущество [6. С. 25–27].

Есть определенные замечания и к ст. 159³ УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». В первую очередь это касается способов обмана. В частности, ученые ставят в этой связи два главных вопроса. Во-первых, возможно ли отнесение способа, описанного в диспозиции ст. 159³ УК РФ, к разновидности мошеннического обмана? Во-вторых, в чем сущностные особенности выражения такого обмана? [7. С. 31–33]. Верховный Суд РФ, понимая отмеченные сложности, в том числе и при разграничении рассматриваемого деяния со смежными преступлениями, например, с кражей, в постановлении «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁸ указал на необходимость установления интеллектуального, а не физического обмана, что доказывается введением в заблуждение конкретного человека, принимающего к оплате поддельную карту. В этом аспекте встает вопрос о правовой оценке действий виновного, когда он использует карту с функцией бесконтактной оплаты, что не требует не только идентификации личности, а и введения ПИН кода. При этом вербальный контакт между продавцом и покупателем имеется. Учитывая, что указанные признаки совершения преступления фактически указывают на пассивный обман, а в разъяснениях, данных Верховным Судом РФ в п. 17 отмеченного постановления, акцент сделан на активной форме поведения, анализируемые противоправные действия должны быть квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Говоря об установлении отдельной уголовной ответственности за совершение мошенничества в сфере страхования, хотелось бы также подчеркнуть ряд частно-дискуссионных моментов, раскрывающих его юридически-значимые характеристики. Учитывая, что исследуемая форма мошеннических действий чаще всего сопряжена с инсценировкой страхового случая и, как следствие, сопровождается подделкой документов или ложными показаниями, заключениями эксперта или специалиста, встает вопрос о квалификации таких деяний по совокупности со ст. 327, 306 и 307 УК РФ. Этому направлению уделяется особое внимание в научном сообществе [8. С. 106–108], и как всегда мнения ученых полярно расходятся. Первая группа ученых отстаивает позицию о нецелесообразности применения института совокупности преступлений, обосновывая это тем, что такие способствующие формы криминального поведения охватываются способом мошенничества в сфере страхования [9. С. 10].

Представители другого подхода, чью точку зрения мы разделяем, настаивают на необходимости квалификации таких форм общественно-опасного поведения по совокупности [10. С. 129–130]. Подчеркнем, что субъекты, допускающие фальсификацию в указанных выше форматах, нарушают самостоятельные объекты уголовно-правовой охраны, не относящиеся к дополнительным или факультативным их разновидностям, о чем, в том числе, свидетельствуют факты самостоятельной криминализации таких деяний в принципиально иных разделах и главах Уголовного кодекса РФ. Именно такой прием раскрывает как характер, так и степень общественной опасности страховых мошенничеств, что позволяет симметрично реагировать на угрозы, исходящие от них.

⁸ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

Мы не можем, хотя бы тезисно, не остановиться и на ст. 159⁶ УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Считаем, что главной методологической проблемой этого деяния выступает использование понятия «мошенничество». Как уже выше было отмечено, мошенничество предполагает не только вербальный, но и интеллектуальный контакт с живым человеком, что не встречается при совершении рассматриваемой формы корыстно-криминального поведения, что прямо отражено в пп. 20 и 21 постановления Пленума «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁹. В данном случае было бы более правильным использовать подход, апробированный в Уголовном кодексе Республики Беларусь в ст. 212 «Хищение путем использования компьютерной техники», которая по объективным признакам очень схожа со ст. 159⁶ УК РФ. Использование такого приема позволит прекратить разного рода полемику как по вопросам квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации, так и по содержательно-методологическим признакам обмана или злоупотребления доверием.

Выше были обозначены, конечно, не все, а лишь частные методологические проблемы в реализации направлений уголовной политики в области противодействия разным формам мошеннических действий. Как бы странно это не звучало, но их разрешение видится в реализации двух основных направлений.

Первое должно включить в себя правильную переоценку значимости общественных отношений, непосредственно страдающих при совершении указанных в ст. 159¹–159⁶ УК РФ деяний. Это позволит правильно систематизировать составы мошенничества и расположить их в соответствующих разделах и главах уголовного закона (ст. 159¹ УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования» – гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности»; ст. 159² УК РФ «Мошенничество при получении выплат» – гл. 32 УК РФ «Преступления против порядка управления»; ст. 159³ УК РФ «Мошенничество в сфере страхования» – гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности»; ст. 159⁴ УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» – гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации»).

Второе направление должно быть сосредоточено на модернизации ст. 159 УК РФ. В частности, на основе деяний, закрепленных в ст. 159 УК РФ, а также нашедшее свое отражение в ст. 159³ УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» создание отдельной части или отягчающего признака в структуре уже имеющихся будет более оптимальным вариантом унификации уголовно-правового противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием электронных средств платежа, как это уже сделано в области противодействия мошенничествам в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5, 6 ст. 159 УК РФ).

Подводя итог проведенному исследованию, подчеркнем, что с позиции авторов выделены три наиболее значимые методологические проблемы в области противодействия преступлениям, совершаемым путем обмана или злоупотребления доверием, требующие незамедлительной реакции со стороны государства. Их разрешение будет способствовать не только планомерному развитию государственной экономики, но и укреплению института собственности, представляющего сегодня базис любого цивилизованного государства. Как на это отреагирует законодатель, покажет время. Вместе с тем дальнейшее эволюционирование уголовной политики в исследуемой области неизбежно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черных Е.Е., Петрянин А.В., Кузьменко В.С. Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направления и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 159-164.
2. Маслов В.А. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 24 с.
3. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 35 с.
4. Бойко С.Я. Уголовная ответственность за мошенничество: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 29 с.
5. Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления / под ред. В.Б. Малинина. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. 797 с.

⁹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

6. Архипов А.В. Ошибки законодательного построения специальной нормы о мошенничестве при получении выплат // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск. 2015. С. 25–27.
7. Малышева Ю.Ю. Проблемы квалификации обмана как способа совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа // Мониторинг правоприменения. 2018. № 4 (29). С. 31–33.
8. Кибальник А.Г., Царев Э.А. Проблемы квалификации мошенничества в сфере страхования // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2006. № 3 (7). С. 106–108.
9. Гвоздилов А.В. Расследование мошенничеств, совершаемых путем инсценировок краж и угонов застрахованных личных транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 10.
10. Галагуза Н.Ф., Ларичев В.Д. Преступления в страховании: предотвращение, выявление, расследование (отечественный и зарубежный опыт). М., 2000. С. 129–130.

Поступила в редакцию 22.02.2021

Шаутаева Раузат Хасановна, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: shautaeva@mail.ru

Петрянина Ольга Александровна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и международного права
Нижегородская академия МВД России
603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3
E-mail: olza52@list.ru

R.Kh. Shautaeva, O.A. Petryanina

CURRENT DIRECTIONS OF CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF ANTI-FRAUD: A GENERAL CRITICAL ANALYSIS

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-2-318-323

The relevance of the direction chosen for research is multifactorial. First, there is a steady increase in attacks on property by deception or abuse of trust. Second, the emergence of new forms of fraudulent activities requiring a symmetrical response from government agencies. Third, the offensive, not always error-free development of criminal policy in the form of the creation of new legal and technical mechanisms to counter the considered type of criminal deviant behavior of selfish orientation. All this prompted us to identify and consider the most significant methodological problems in the area taken for research in the form of their demonstration, as well as proposals for directions for their solution. The first criminal law flaw in the state strategy in the fight against fraud is the fallacy in the systematization of the crimes reflected in Art. 159¹–159⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation. The substitution of the significance of public relations protected by the norms included in these articles caused the imbalance in the Special Part of the Criminal Code. RF. The second methodological problem is the imbalance in the cost criteria of Art. 159¹–159⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation, which form the basis for their criminalization and differentiation. The third problem is the fact that there are separate elements of fraud with their fixation in separate articles of the Criminal Code of the Russian Federation, depending on the areas of encroachment. In the article, on the basis of the conducted critical analysis and the presented argumentation, directions for resolving the noted methodological problems, theoretical, applied and legislative format, are proposed.

Keywords: criminal legislation, criminal policy, counteraction, fraud, deception, abuse of trust, lending, insurance, payment, payment card, computer information

Received 22.02.2021

Shautaeva R.K., senior lecturer
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: shautaeva@mail.ru

Petryanina O.A., Candidate of Law, Associate Professor at Department of constitutional and international law
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ankudinovskoe shosse, 3, Nizhny Novgorod, Russia, 603950
E-mail: olza52@list.ru